

Научная статья  
УДК 821.512.31  
DOI 10.18101/2686-7095-2025-3-78-88

### О ПЕРЕВОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА НА БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК

© Булгутова Ирина Владимировна

доктор филологических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

irabulgutova@mail.ru

**Аннотация.** В статье рассматривается история переводов произведений А. С. Пушкина на бурятский язык. Выявляется значение данных переводов в развитии бурятской культуры. Автором установлена закономерность обращения к переводам эпических произведений А. С. Пушкина в период становления и развития прозы в бурятской литературе. Раскрывается утрата из культурного фонда переводных текстов, сделанных на латинице (1931–1939). Систематизирован корпус переводных текстов пушкинской поэзии. Выявляются закономерности в процессе перевода лирики А. С. Пушкина. Сначала были переведены образцы пейзажной и вольнолюбивой лирики, затем философские и любовные поэтические произведения А. С. Пушкина. При рассмотрении отдельных переводов ставится проблема диалога культур Запада и Востока. Выявляются лексические пласты, которые актуализируют определенный контекст национальной культуры.

**Ключевые слова:** перевод, диалог культур, межкультурная коммуникация, восточная поэтика, концепты, национальная культура.

#### Для цитирования

Булгутова И. В. О переводах произведений А. С. Пушкина на бурятский язык // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2025. Вып. 3. С. 78–88.

Переводы являются важным элементом межкультурной коммуникации, они также могут стать фактором развития литературного процесса, что прослеживается на примере истории национальных литератур. Именно переводы позволяют достичь подлинного диалога самых разных культур, однако для диалогического взаимодействия нужны определенные условия. Актуальность изучения роли переводов в развитии литературы состоит в выявлении закономерностей межкультурной коммуникации, это необходимо для понимания литературного процесса, определения перспектив его развития. Цель данной статьи состоит в определении роли пушкинских традиций в развитии бурятской национальной литературы. Задачами проведенного исследования являлись раскрытие причин непреходящего интереса

деятелей бурятской литературы к пушкинскому творчеству, выявление его потенциала в процессе диалога культур, определение особенностей взаимодействия разных культур.

В. М. Жирмунский, размышляя о международных литературных взаимодействиях, отмечает: «История человеческого общества фактически не знает примеров абсолютно изолированного культурного (а следовательно, и литературного) развития без непосредственного или более отдаленного взаимодействия и взаимного влияния между его отдельными участками» [6, с. 20].

Переводы русской классики на бурятский язык необходимо рассматривать, на наш взгляд, в контексте межкультурных связей между Западом и Востоком. В культурологии сформировался ряд штампов и шаблонных представлений о различии художественных традиций Запада и Востока, которые, несомненно, могут быть подвергнуты критике, но они тем не менее непосредственно раскрываются в практике перевода.

Так, например, при переводе русской поэзии на бурятский язык возникает ряд технических задач, связанных с различием систем стихосложения. Силлабо-тоническая система русского стихосложения должна соотноситься с силлабо-метрической системой бурятской поэзии. Рифма как конечное созвучие в русской поэзии должна при переводах коррелироваться с начальным созвучием – анафорическим стихом бурятской поэзии и так далее. Более существенные различия касаются содержательного плана. Восточная поэтика не предполагает открытого и непосредственного выражения чувств, как то принято в западноевропейской поэзии: «...не рекомендует пользоваться прямым воспроизведением или тем более простым названием той или иной эмоции. Значительно больший, с ее точки зрения, эстетический эффект создает опосредованное изображение чувства, требующее активных интеллектуальных усилий, своего рода «сотворчества» читателя» [3, с. 8].

Исследователи, размышляя над проблемами перевода поэзии, отмечают наличие лингвистических и психолингвистических, экстралингвистических и литературно-исторических, культурологических, философско-эстетических, информационных, текстологических факторов. Павел Александрович Гринцер, говоря о взаимодействии западноевропейской и восточной культур, отмечал, что «...влияние извне неизбежно проходило через фильтр местной традиции, преломлялось и трансформировалось в ней, и в конечном счете именно эта традиция определяла, как и что заимствуется, оказывается жизнеспособным и перспективным» [4, с. 32]. Об этом же пишет В. М. Жирмунский: «Всякое влияние исторически закономерно и социально обусловлено: для того чтобы оно стало возможным, необходимо, чтобы аналогичные более или менее оформленные тенденции (идеи и настроения, темы и образы) уже наличествовали в данной стране...» [6, с. 21].

В настоящей статье используются методы сравнительно-исторического литературоведения, структурно-типологического изучения художественных текстов, а также принципы литературной герменевтики.

История переводов Пушкина на бурятский язык начинается до революции 1917 г., в так называемый период просветительства. В 1907 г. в Казани была издана «Сказка о рыбаке и рыбке» / в книге под названием «Учебник русского языка для бурят» (Подготов. пер. комиссией Иркутского комитета православ. мисс. 1907 г.).

Закономерным стало обращение к пушкинскому творчеству в 20–30-е годы XX в. бурятского русскоязычного поэта Солбонэ Туя (Петра Никифоровича Дамбинова) (1892–1938), который перевел стихотворение Пушкина «Зимний вечер» и отрывок из романа «Евгений Онегин» об осени «Уж небо осенью дышало...» [10, с. 52–53]. В переводе стихотворения «Зимний вечер» поэт четко оформил попарное единоначалие строк в строфе. В переводе онегинских строф Солбонэ Туя также придерживается такого художественного решения. Сам принцип изображения природного мира в качестве наблюдателя оказался близок бурятскому поэту-билингву, писавшему на русском языке. Также в его творчестве имеется посвящение Пушкину:

Он — гордый Эверест, вершина вешней лиры,  
Чья слава не умрет... сильней заговорит,  
Чье имя будет известно, “доколь в подлунном мире  
Жив будет хоть один пиит”» [10, с. 51]

В каталоге упоминается газетная публикация перевода стихотворения А. С. Пушкина «Зимнее утро», выполненного Солбонэ Туя. Есть закономерность в переводе пушкинской поэзии, так, первыми были переведены пейзажные стихотворения, а затем вольнолюбивая лирика поэта.

Вехой в истории переводов пушкинских произведений в Бурят-Монгольской АССР стал 1937 год — дата столетия со дня смерти великого русского поэта. 10 апреля 1937 г. в первом номере журнала «Бата зам» были опубликованы переводы пушкинских произведений В. Егорова, Д. Дашинимаева, Ц. Галсанова на латинице, которая официально функционировала в республике с 1931 по 1939 г. В 1937 г. тиражом 10 000 экземпляров вышла книга «Şulegyud», куда вошли переводы стихотворений «В Сибирь», «К Чаадаеву», «Арион», «Калмычке», «Вольность» (В. Л. Егоров), поэмы «Братья-разбойники» (Цэдэн Галсанов). В 1937 г. в первом номере журнала «Бата зам» опубликован также перевод пушкинского стихотворения «Зимняя дорога» (Үбэлэй харгы). Д. Дашинимаев перевел «Сказку о рыбаке и золотой рыбке» «Загаһаша ба загаһан тухай үльгэр» (1937).

В 1937 г. были изданы первые переводы пушкинской прозы, что могло бы оказать влияние на развитие бурятской литературы, если бы не экстралингвистические факторы, а именно перевод различных вариантов письменности народов СССР на кириллицу. Такая унификация письменности имела в своей основе политические причины. Переход же на кириллицу обусловил фактическую «утрату» для широкого круга населения переводов на бурятский язык русской и мировой классики, сделанных на латинице до 1939 г. Переводы пушкинской прозы могли

сыграть большую роль в развитии бурятской прозы в 30-е годы XX в. В. Ц. Найдаков выделяет в развитии бурятской литературы этого периода следующие направления: «фольклорно-романтическое» (Х. Намсараев) и «конкретно-аналитическое» (Ц. Дон) [9, с. 108]. Следует отметить, что обращение к традиционной фольклорной поэтике обуславливало изображение, в первую очередь, исторического прошлого народа. Освещение проблем текущей современности требовало именно литературного опыта изображения, а освоение прозы, по мнению исследователей, происходит на более высокой ступени развития словесного искусства. Как пишет Ю. М. Лотман, «проза в современном значении слова возникает в русской литературе с Пушкина. Она соединяет одновременно представление об искусстве высоком и о не-поэзии. За этим стоит эстетика “жизни действительной” с ее убеждением, что источник поэзии — реальность. Таким образом, эстетическое восприятие прозы оказалось возможным лишь на фоне поэтической культуры. Проза — явление более позднее, чем поэзия, возникшее в эпоху хронологически более зрелого эстетического сознания. Именно потому, что проза эстетически вторична по отношению к поэзии и воспринимается на ее фоне, писатель может смело сближать стиль прозаического художественного повествования с разговорной речью, не боясь, что читатель утратит чувство того, что имеет дело не с действительностью, а с ее воссозданием. Таким образом, несмотря на кажущуюся простоту и близость к обычной речи, проза эстетически сложнее поэзии, а ее простота вторична» [8, с.42–43].

Деятели бурятской культуры целенаправленно и последовательно обращались к переводам классических образцов пушкинской прозы, и в арсенале имеется несколько разных переводов одного произведения. Так, перевод неоконченной повести А. С. Пушкина «Дубровский» издан в 1937 г. под редакцией Санжижаба Ширабона (1906–1938) на латинице, а в 1948 г. уже на кириллице был опубликован перевод Василия Галданова.

Имеется также два перевода известной повести А. С. Пушкина «Пиковая дама». Примечательным явлением стал перевод, выполненный В. Л. Егоровым, «Пиковой дамы» Пушкина под названием «Gilberei xatan» (1937). А в 1999 г. к 200-летию со дня рождения поэта в газете «Буряад үнэн» был издан отрывок (первая часть) из пьесы «Елбэрэй хатан» на бурятском языке в переводе М. Ж. Батоина [1, с. 15]. В бурятоведении имеются работы, посвященные изучению языка переводов. Е. В. Сундуева в своей статье «Отражение лексики карточной игры в переводах повести «Пиковая дама» А. С. Пушкина на монгольские языки» отмечает, что «В. Л. Егоров в большинстве случаев предпочитает сохранить иноязычное слово, при этом лишь два из них (мирандоль, руте) снабжены комментариями в виде постраничной ссылки. Подобный подход, вероятно, продиктован близостью бурятского народа к русской культуре, о чем также свидетельствует большое количество русизмов в бурятском варианте. Перевод В. Л. Егорова, несмотря на небольшие неточности, никак не влияющие на собственно содержательную часть, на наш взгляд, в достаточной мере передает насыщенность языка Пушкина. Более

поздний перевод М. Батоина показал, что при переносе повествовательной прозы на язык театра в пьесе «Елбэрэй хатан» автор не использует иноязычные слова, поскольку они могут затруднить «проживание» текста зрителем» [11, с. 99].

Перевод «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» 1937 г. «Nөгчөсөн Ivaan Petrovič Beelkinii domoguud» имеет следующее оглавление: «От издателя» (Kеblegчees) и повесть «Выстрел» (Budalga) (переводчик В. Cerenii), «Метель» под названием «Шургaаn» (переводчик V. Jegөөгoviin), «Станционный смотритель» под названием «Өртөөgiin daamal» (переводчик V. Jegөөгoviin), повесть «Гробовщик» под названием «Kuucagça» (C. Dondobiin), «Барышня-крестьянка» под названием «Tariaačan abakai» (переводчик Z. Batacerenii). Обращаясь к анализу поэтики заглавий, следует отметить трудности, которые возникают при переводе. Во-первых, перевод жанрового обозначения «повесть» выполнен словом «домогу», первое значение которого «предание», в этом отражается инерция фольклорного художественного мышления. Между тем «... структура «Повестей Белкина» является ярчайшим образцом прозы, которая формируется в эпоху перехода от поэтической эпохи к эпохе прозаической» [Федоров, с. 72]. Перевод названий повестей раскрывает также важные для понимания литературного процесса реалии. Так, например, перевод названия повести «Станционный смотритель» как «Өртөөgiin daamal» наглядно показывает, как функционировал на латинице (1931–1939) бурятский литературный язык, в основе которого был сонгольский диалект, гораздо близкий к монгольскому языку, в частности, здесь употребляется окончание родительного падежа -гийн, свойственное монгольскому языку.

Обозначения имен переводчиков в издании 1937 г. выполнены также в монгольской традиции: В. Cerenii (Б. Цыренов), V. Jegөөгoviin (В. Егоров), C. Dondobiin (Ц. Дондубон / Ц. Дон), Z. Batacerenii (Ж. Батоцыренов). Русификация написания бурят-монгольских имен также активно происходила в этот период. Примечательно, что в число переводчиков пушкинских повестей входил Ц. Дон — автор первых бурятских повестей на тему современности, интерес к пушкинской прозе был закономерен, можно предположить, что это способствовало литературной учебе бурятского писателя-прозаика. В 1937 г. Ц. Дон был обвинен «в принадлежности к антисоветской буржуазно-националистической панмонголистской организации и повстанческой террористической деятельности на территории Бурят-Монголии» и репрессирован. Также из числа переводчиков пушкинской прозы в это время были репрессированы писатель Жигжитжаб Батоцыренов (1881–1937), литературный критик Санжижаб Ширабон (1906–1938). С высоты пройденного времени очевидным становится, что перевод пушкинской прозы как раз показывает и доказывает заинтересованность бурят-монгольских писателей в усвоении развитых литературных традиций русской и мировой классики.

В сборнике «Избранные произведения» 1949 г. (к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина) напечатан перевод повести «Гробовщик» (Хуурсагша) Василия Галданова, перевод данного произведения Ц. Дона (1937 года), таким образом, выпал из поля зрения читателей и научного оборота. В книгу также был включен

перевод повести «Станционный смотритель» под названием «Үртөө даагша», выполненный Балданом Санжиным (1911–1989), а перевод, выполненный В. Егоровым на латинице, фактически был забыт.

В переводе пушкинских «Повестей Белкина» Д. Ч. Чернинова обращает на себя внимание большое количество заимствованной из русского языка лексики. Само название произведения переведено как «Наһа бараһан Иван Петрович Белкинэй повестьнууд», хотя бурятское слово «туужа» для обозначения повести в дальнейшей практике перевода оказалось более востребованным. Название «От издателя» переведено как «Хэблэн гаргагшаһаа», «Выстрел» как «Буудалган», «Метель» (Саһан шуурган), «Гробовщик» (Хуурсагша дархан), «Станционный смотритель» (Үртөө даагша), «Барышня-крестьянка» как «Холшор басаган» (Беспечная, беззаботная девушка).

В переводе Д. Чернинова предстает большой пласт заимствованной лексики, это такие слова, как *регистратор, фельдъегерь, диктатор, каторга, почтын трактнууд, суудууд*, с одной стороны, там много историзмов, но все же следует отметить, что не всегда это оправдано эстетическими целями. Так, переводчик не ищет монгольские названия *почты, трактов, суда* и так далее, несмотря на их наличие. В переводе на кириллице кристальная ясность, четкость пушкинской прозы производят эстетическое впечатление.

Примечательное явление в истории переводов пушкинских произведений на бурятский язык — перевод литературно-критической работы. В 1937 г. был издан биографический очерк В. Вересаева «Пушкин в жизни» на латинице под названием «Руушкиней аза jabadal», перевод был сделан Цырен-Дулмой Дондоковой (1911–2001), первой бурятской поэтессой. Его значение в том, что намечалось освоение критической мысли, что могло бы способствовать формированию научного дискурса на бурятском языке, если бы не экстралингвистические факторы.

Переводы пушкинской поэзии в бурятской культуре имели значение в открытии новых литературных принципов изображения внутреннего мира человека. Четкое обозначение субъектной сферы человека, ее отграничение от мира природы было непривычным для бурятского читателя. По мере овладения русским языком на массовом уровне необходимость переводов на бурятский язык стала исчезать. Следует отметить, что наибольшее количество переводов пушкинской поэзии на бурятский язык приходится на период 50–70-х годов, в этой сфере проявили себя многие поэты.

Так, Цэдэн Галсанов (1917–1992) перевел такие стихотворения А. С. Пушкина, как «Памятник», «К Чаадаеву», «В Сибирь», «Узник», «Арион», «Кавказ», «Унылая пора!...», «Вакхическая песня», отрывок из романа «Евгений Онегин» с описанием весны, поэму «Братья-разбойники».

Чимит Цыдендамбаев (1918–1977) перевел стихотворения «Арион», «Птичка» и поэму «Полтава». Следует отметить художественные достоинства перевода поэмы «Полтава», ее способность произвести эстетическое впечатление благодаря таланту переводчика.

Имеются переводы отдельных произведений, сделанные Д. Дашинимаевым (1904–1937) («Кавказ», «Сказка о рыбаке и рыбке»), Д. Мадасоном (1911–1984) («Ночной эфир струит зефир»), Б. Мунгоновым (1922–1989) («Туча», «Александру I»), Ш. Нимбуевым (1910–1972) («К Чаадаеву»), А. Жамбалом (1924–2011) («Эхо», «Соловей и кукушка»), Ч.-Р. Намжиловым (1926–1990) («Пушину»), Г. Дашабыловым (1938–1993) («Поэту», «Сонет»), Ц.-Д. Дондогой (1932–2008) («Золото и булат», «Монастырь на Казбеке», «Памятник», «Калмычке», «Няне», «Вяземскому», поэма «Домик в Коломне»). Н. Дамдиновым (1932–1999) («В Сибирь», «Анчар», «Редет облаков летучая гряда...», «Туча», «Желание славы», «Я помню чудное мгновенье», «Талисман», «Я вас любил», «Сожженное письмо», «Вакхическая песня», «Клеветникам России», «Вновь я посетил...», «Будрыс и его сыновья», «Памятник», письмо Татьяны Онегину, маленькие трагедии «Моцарт и Сальери», «Каменный гость»), М. Батоиным (1936–2017) («Поэту», «Туча», «Зимний вечер», сцены в драматической форме «Пиковая дама»).

Отдельного рассмотрения и изучения заслуживает перевод сказок А. С. Пушкина на бурятский язык. Ц.-Д. Дондокова в 1948 г. перевела пушкинскую «Сказку о царе Салтане». В 1941 г. был издан перевод Д. Чернинова «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» («Амигуй хан-хүүхэн ба айдар долоон баатарнууд тухай үльгэр»).

Особое место в творчестве Г. Чимитова (1924–2014) занимают переводы пушкинских произведений «Сказка о рыбаке и рыбке» (Загаһашан ба загаһа тухай үльгэр), «Сказка о золотом петушке» (Алтан тахья тухай үльгэр), «Сказка о попе и его работнике Балде» (Санаартан ба тэрэнэй хүлхэншэн Балдаа тухай үльгэр). Г. Чимитов также перевел вступление к поэме «Руслан и Людмила», сцены из трагедии «Борис Годунов».

Таким образом можно сделать вывод о том, что все многообразие пушкинского творчества нашло свое отражение в переводах на бурятский язык. Из поэтических произведений А. С. Пушкина переведены не только образцы пейзажной и вольнолюбивой лирики, но и шедевры любовной лирики поэта, его глубоко личностные философские раздумья.

На наш взгляд, эстетическое восприятие при билингвизме требует особых условий, прежде всего четкого разграничения сферы языков. Сфера морально-нравственных установок, тип эмоционального реагирования, оценивания, ценностная картина мира, язык телесных ощущений формируются на родном языке носителя. Это язык, который гармонизирует сознательный и бессознательный уровни. Каждое слово вписывается в широкий контекст национальной культуры, имеет свое ассоциативное поле, свой семантический ореол. Это становится особенно очевидным при анализе переводов. Так, переводы любовной лирики А. С. Пушкина на бурятский язык стали осуществляться в относительно поздний период, этому есть свои причины. В традиционной бурятской национальной культуре не принято открыто называть интимные чувства и переживания. Поэтому, например, опыт чте-

ния письма Татьяны Онегину (перевод Н. Дамдинова) на бурятском языке зарождает противоречия у реципиента, так как в этом тексте постоянно называются и проговариваются проживаемые героиней чувства. Важен культурный контекст, в данном случае сама модель взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Важно также то, в какой контекст вписываются концептуальные понятия и морально-этические представления. Например, понятие «воля неба» переведено у Николая Дамдинова именем небожителя - тэнгрия Хурмасты из бурятской мифологии, отразившегося еще в эпосе «Гэсэр». «То в вышнем суждено совете... / То воля неба: я твоя» (Хурмаста тэнгэрээр баталагдаал / Хуби заямни: би шинийб) [5, с. 500]. С одной стороны, здесь наблюдается учет традиционного контекста, с другой — само признание «я твоя» в контексте бурятского языкового сознания вызывает противоречивые чувства у читателей.

Различие культур прослеживается при переводе концептуальных понятий, например, в следующем примере: «Но мне порукой ваша честь, / И смело ей себя вверяю...» (Уладай хэлсээндэ орохогүйб бээб гээд, / Угсаата нэрэдэтнай найданаб) [с. 502]. Пушкинские строки переведены следующим образом: «Надеюсь на ваше родовое имя, / что не стану объектом сплетен других людей». Понятие «честь» переведено как понятие «угсаата нэрэ» — «родовое имя». Представление об имени у бурят с сохраняющейся у них мифологической парадигмой связывается с понятием рода и предков, перевод выявляет специфику культурно-исторического контекста. Родовые понятия в бурятской культуре совершенно другие, архаичные, и контекст их восприятия может вызывать когнитивный диссонанс, как, например, употребление словосочетания «ород изагууртын үрэ зүрхэн соо» [5, с. 503] в переводе стихов о Москве: «...как много в этом звуке для сердца русского слилось». Употребление слов «уг изагуур» (род, происхождение), сохраняющих для носителей языка сакральное звучание, по отношению к другому народу выглядит непривычным. Употребление слов, касающихся сферы верований и сакральных представлений, является проблематичным для перевода, так как они вписаны в определенный контекст национальной культуры, который мгновенно выстраивается в сознании носителя языка. Так, например, состояние поэтического вдохновения для читателя-бурята наиболее адекватно сформулировать в категориях шаманской мифологии, таких как «онгоёо оруулха» (впустить в себя дух предков), а перевести европейское понятие Музы при переводе пушкинского «Памятника» оказывается непростой задачей. Ц. Галсанов в своем переводе выражает слово *Муза* иносказательно — «уран дүүхэй» (милая сестрица), а Николай Дамдинов оставляет слово *Муза*. Перевод четко обозначает сферу «пограничья», где можно осознать сходство и различие культурных парадигм Запада и Востока. Если в европейской и русской культуре талисманом может быть предмет, воспринимающийся как неодушевленный, то перевод пушкинского стихотворения «Талисман» на бурятский язык выявляет мировоззренческую специфику: «талисман» переводится как «нахюуһан», в семантике этого слова для носителя актуализируется не сколько предметное значение, а религиозное значение «гения-хранителя».

Очевидно, что сфера перевода предполагает поиск наиболее приемлемых для адресата художественных решений. Так, в переводе Николаем Дамдиновым финальных строк пушкинского стихотворения «Я вас любил»: «Я вас любил так искренне, так нежно, / Как дай вам Бог любимой быть другим», возникают другие, более приемлемые для читателей образы: «Наһанай нүхэр болгон, инагшалһан хүнтнай / Намдал адляар танда дурлажа шадуужан» [5, с. 490]. Перевод финальных строк буквально следующий: «Тот, кто станет вашим супругом (другом жизни), возлюбив вас, / Пусть, как я, вас полюбить сможет). В пушкинском оригинале нет конкретизации образа другого, кто полюбит адресата лирического героя. В переводе же на бурятский язык для Н. Дамдинова появляется образ именно супруга и супружеской любви как высшего проявления этого чувства.

Для анализа различий культур Запада и Востока можно четко определить гендерную проблематику, тему взаимоотношения полов, в частности, сферу осознания женских образов в семейно-бытовом и более широком социокультурном контексте. Так, рассмотрим, как перевод выявляет проблему различий в представлении о женской красоте и социально одобряемой модели женского поведения. В пушкинском стихотворении «Будрыс и его сыновья» создается образ девичьей красоты, семантика которого считывается в контексте общности славянских культур: «Нет на свете царицы краше польской девицы. / Весела — что котенок у печки — / И как роза румяна, а бела, что сметана; / Очи светятся будто две свечки!». Здесь дается ряд признаков, касающихся как характера, так и внешних примет. Николай Дамдинов при переводе сохраняет только внешние черты, адаптируя их для своего читателя: «Даян дэлхэйдэ поляг хатанһаа үлүү һайхан / Дангина үшөөл олдоогүй юм шүү. / Зөөхэйдэл сагаан шарайтай, уян бээтэй, / Зөөлэхэн харасатай дүүхэйнэр байха» [5, с. 497]. Так, в образе красоты сохраняется белый цвет лица, «свечение глаз» заменяется словосочетанием «зөөлэхэн хараса» (мягкий взгляд). Открытость, свойственная русскому национальному характеру, — модель, которая противоречит закрытости характера восточного человека. Поэтому пушкинский стих «весела, как котенок у печки» остался непереведенным, есть только перевод внешней стати «уян бээтэй» (обладающая гибким телом). В традиционной кочевой культуре бурят-монголов сложилось свое представление о животном мире, и сравнение с котенком в бурятском языковом сознании на данный момент не может мыслиться как элемент женской красоты даже в образно-поэтическом тексте, так же как игривость, и открыто демонстрируемое веселье не соответствует ее традиционной модели. Переводы позволяют осознавать различия между культурами, вместе с тем они ведут к нивелированию этих различий, создавая условия для диалога культур. О самосознании национальной культуры в зеркале другой, о диалогических связях писал еще М. М. Бахтин: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она

сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [2, с. 334–335].

### Результаты

Проследив историю переводов пушкинских произведений в бурятской литературе на протяжении более ста лет, мы выявили большой корпус переводных текстов как прозаических произведений, так и поэтических. Обращение к переводам пушкинской прозы было обусловлено настоящей необходимостью создания в бурятской литературе прозы о современности, что требовало опоры на развитое литературное сознание. В переводе поэзии определяются следующие закономерности: в первую очередь, были переведены образцы пушкинской пейзажной лирики, которая сразу же прошла через «фильтры местной традиции» и оказалась близка поэтическому сознанию бурят. Наличие множества вариантов переводов вольнолюбивой лирики поэта оказывается понятным в социально-историческом контексте идеологии советского времени. Позже по времени переводятся образцы любовной лирики А. С. Пушкина, именно эта сфера оказывается фронтальной для выявления противоречий и различий между мировоззренческими установками Востока и Запада [7]. Переводы всех пушкинских сказок, наличие их различных вариантов показывают встречу культур в данном жанровом поле. Развитая сказочная традиция бурят обусловила восприимчивость и активную рецепцию текста другой культуры.

Заключение. Переводы пушкинских произведений на бурятский язык имели смысл не только как способ знакомства с русской культурой, но и как возможность открытия принципиально новых художественных приемов и моделей, ставили вопрос о дальнейшем развитии искусства слова. В бурятской культуре сложился целый корпус переводных текстов пушкинских произведений, которые ждут своих исследователей в самых различных аспектах с точки зрения культурологии, лингвистики, психолингвистики, литературоведения и переводоведения.

### Литература

1. Батоин М. Елбэрэй хатан // Буряад үнэн. 1999. 5 авг. Текст: непосредственный.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1979. 423 с. Текст: непосредственный.
3. Восточная поэтика. Специфика художественного образа / под редакцией П. А. Гринцера. Москва: Наука, 1983. 265 с. Текст: непосредственный.
4. Гринцер П. А. Две эпохи романа // Генезис романа в литературах Азии и Африки. Москва: Наука, 1980. С. 3–44. Текст: непосредственный.
5. Дамдинов Н. Избранные произведения: в 3 томах. Т. 2. Киноповесть. Драмы. Пьесы. Повести. Поэмы. Эссе. Рассказы. Сказки. Переводы. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2007. 648 с. Текст: непосредственный.
6. Жирмунский В. М. Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения // Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Ленинград: Наука, 1979. С. 18–45. Текст: непосредственный.

7. Имixelова С. С. Тема творчества и образ художника в тувинской и бурятской прозе 1960–1970-х гг. // Вестник БГУ. Филология. 2024. № 1. С. 72–80. Текст: непосредственный.
8. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Москва: Эксмо, 2023. 416 с. Текст: непосредственный.
9. Найдаков В. Ц. Путь к роману. Новосибирск, 1985. 260 с. Текст: непосредственный.
10. Солбонэ Туя Моя совесть чиста. Избранные стихи, статьи. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1992. 100 с. Текст: непосредственный.
11. Сундуева Е. В. Отражение лексики карточной игры в переводах повести «Пиковая дама» А. С. Пушкина на монгольские языки // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 2(31). С. 95–100. Текст: непосредственный.
12. Федоров Ф. П. «Повести Белкина» как структура // Вестник Псковского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2015. Вып. 1. С. 62–73. Текст: непосредственный.

*Статья поступила в редакцию 11.05.2025; одобрена после рецензирования 20.09.2025; принята к публикации 16.10.2025.*

#### ON TRANSLATIONS OF A. S. PUSHKIN'S WORKS INTO THE BURYAT LANGUAGE

*Irina V. Bulgutova*

Dr. Sci. (Philology), A/Prof.,  
Dorzhi Banzarov Buryat State University  
24a Smolina St., 670000 Ulan-Ude, Russia  
irabulgutova@mail.ru

*Abstract.* The article demonstrates the history of translations of A. S. Pushkin's works into the Buryat language and highlights the significance of these translations for the development of Buryat culture. The author identifies a pattern of engaging with translations of Pushkin's epic works during the formative period of prose in Buryat literature. The study also addresses the loss of translated texts created in Latin script (1931–1939) from the cultural heritage. A corpus of translated Pushkin poetry is systematically organized, and regularities in the translation of his lyric poetry are revealed. Initially, samples of landscape and freedom-themed lyrics were translated, followed by philosophical and love poetry. When examining individual translations, the study raises the issue of dialogue between Western and Eastern cultures. Lexical layers are identified that activate specific contexts of national culture.

*Keywords:* translation, cultural dialogue, intercultural communication, Eastern poetics, conceptual frameworks, national culture.

#### *For citation*

Bulgutova I. V. On Translations of A. S. Pushkin's Works into the Buryat Language. *Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2025; 3: 78–88 (in Russ).

*The article was submitted 11.05.2025; approved after reviewing 20.09.2025; accepted for publication 16.10.2025.*